

«ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА...»: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ И ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1(091) ББК Ш5(2Рос=Рус)5-34

Е.Е. Приказчикова
Екатеринбург, Россия

КУЛЬТ ЧЕСТИ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления реализации культа чести в русской и французской словесности первой трети XIX века на материале мемуарно-автобиографической и художественной литературы. Литературная рецепция этой важнейшей черты культурно-исторического менталитета Наполеоновской эпохи исследуется на примере творчества как мемуаристов (Ф. Булгарин, С. Волконский, Д. Давыдов, Ф. Глинка, И. Лажечников, А. Коленкур, Э. Лабом, Ц. Ложье, Ф. Сегюр), так и писателей-авторов художественных текстов (А. Бестужева-Марлинского, М. Загоскина, Н. Греча, Р. Зотова, А. де Виньи).

Ключевые слова: культ чести, Наполеоновская эпоха, культурно-историческая ментальность, мифориторическая культура, мемуарно-автобиографическая литература.

E.E. Prikazchikova
Yekaterinburg, Russia

HONOUR CULT OF NAPOLEON WARS EPOCH IN RUSSIAN AND FRENCH LITERATURE OF THE I THIRD OF THE XIX CENTURY

Abstract: The article considers the main trends of cult of honour realization in Russian and French literature of the I third of the XIX century on the basis of belles-lettres and memoirs.

Literary comprehension of this main feature of culture-historical mentality of Napoleon epoch is investigated on the example of creation both of memoirists (F. Bulgarin, S. Volkonski, D. Davidov, F. Glinka, I. Lagechnikov, A. de Caulaincourt, F. Labom, C. Laugier) and that of writers – authors of works of art (A. Bestugev-Marlinsku, M. Zagoskin, N. Grech, R. Zotov, A. de Vigny).

Keywords: cult of honour, Napoleon epoch, culture-historical mentality, myth-rhetorical culture, autobiographical-memoirs literature.

*Но честь – она всего превыше.
Умри, гусар, но чести не утрать.
Ю. Ким*

Мемуарно-автобиографическая литература, будучи источником личного происхождения, источником субъективным тем не менее, традиционно рассматривается учеными как «окно в прошлое» (термин А. Гладкова), позволяющее исследовать не только специфику исторических реалий своего времени, но и культурно-исторический менталитет людей данной эпохи.

Важнейшим фактором для филологов, культурологов, историков является то обстоятельство, что именно в мемуарных произведениях, посвященных наполеоновской эпохе, впервые начинает осмысляться и, в определенном смысле, глорифицироваться специфический тип личности, чей менталитет неизменно привлекал симпатии потомков. Это было связано с тем, что наполеоновская эпоха и в России и во Франции практически сразу же после смерти Наполеона на острове Святой Елены в 1821 году, стала осознаваться как эпоха историческая, не имеющая аналогов в современности. В результате формируется четкая антитеза «век нынешний – век минувший», причем явно не в пользу первого. Подобная установка находит себя в «Бородино» М. Лермонтова «Да, были люди в наше время...», «Современной песне» Д. Давыдова: «Был век бур-

ный, дивный век: Громкий, величавый», наконец, в пушкинской «Метели», в которой так воскрешается героический дух наполеоновской эпохи: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество». Ф. Булгарин, русский писатель, поляк по происхождению, который успел послужить и в русской армии и в армии Наполеона, в своих «Воспоминаниях» давал такую оценку эпохе «славы и восторга»: «Чудная эпоха, которая не скоро повторится на земле, эпоха истинно мифологическая! <...> Войны Александра и Наполеона, как некогда сподвижники Энея и Агамемнона, обращают на себя внимание умных людей нового поколения!» (Булгарин 2001: 171).

Это максимальное сближение ментальности русских и французов было вызвано у Булгарина не только фактом его последовательного служения в обеих армиях. В данном случае заметен ещё один аспект, который философ К. Леонтьев в статье «Наши новые христиане» охарактеризовал как эстетическую любовь русских к французам. Он писал: «Русское дворянство времени Александра I восхищалось тогдашними французами, вредя им стратегически (а, следовательно, и лично) на каждом ша-

гу» (Леонтьев 1885: 213). Эстетическое увлечение русского дворянства Францией и французами, составляющее одну из черт сознания образованного общества России, не осталось незамеченным в русских военных мемуарах I половины XIX века. Генерал М. Орлов, принимавший участие в переговорах о капитуляции Парижа в 1814 году, писал: «Мы любили язык, литературу, цивилизацию и мужество французов, с убеждением и энтузиазмом отдавали им во всех этих отношениях справедливую дань удивления» (Орлов 1963: 17).

Однако, с другой стороны, ссылаясь на собственный опыт «самовидца», он отмечал и обратную тенденцию, заключающуюся в том, что «в это время и долго после того русские пользовались у французов гораздо большей благосклонностью, чем другие нации» (Орлов 1963: 17). Эту «благосклонность» не мог разрушить даже сам факт ведения военных действий друг против друга. Тот же Орлов свидетельствовал: «Что касается до храбрости, то обе нации славно и не один раз встречались друг с другом на полях боевых и научились взаимно уважать себя. Здесь мы также сошлись» (Орлов 1963: 17).

У французов последнюю точку зрения М. Орлова подтверждали адъютант Наполеона граф Ф. де Сегюр, французский дипломат Ш. Массон и даже сам Наполеон, отмечая определенное духовно-психологическое сходство двух наций. В воспоминаниях Б. О'Миры, врача императора на острове Святой Елены, Наполеон заявляет: «По храбрости русских солдат можно сравнить только с французскими» (О'Мира 2004: 368).

Определяющей чертой культурно-исторической ментальности субкультуры «детей Марса» В России и Франции наполеоновской эпохи была традиция восприятия войны как рыцарского поединка, благородного занятия истинных мужчин. Этот культ чести частично находил свое отражение в военных артикулах эпохи, однако, в гораздо большей степени, в неписаном кодексе поведения, которым должен был руководствоваться офицер, чтобы не потерять право на уважение сослуживцев и начальников, не потерять уважение к самому себе, т. е. иметь право воспринимать себя как образец «идеального воина».

Анализ сущности войны как культурной функции человечества был подробно дан в монографии И. Хейзинга «*Homo ludens*», в которой автор, рассматривая войну в сфере действия законов чести, отмечает: «Война, понимаемая как сфера чести ведется в границах определенного круга, члены которого признают друг друга равными или, во всяком случае, равноправными <...> Попав в сферу чести, война становится священным установлением и в этом качестве облакается всем духовным и моральным декором» (Хейзинга 1992: 113).

Определяющей чертой военного мемуарного сознания первой половины XIX века была героизация действительности, культ военных подвигов и военной доблести как средства достижения этих подвигов. Эта глорификация военной действительности, являясь отличительной особенностью культурно-исторического менталитета эпохи, не зависе-

ла напрямую ни от особенностей индивидуального характера мемуариста, ни от его политических взглядов. Умный, ироничный, порой скептически-циничный в делах большой политики, А. Ермолов так же искренне преклоняется перед «алтарем Марса», как и пылкий романтически настроенный Д. Давыдов. Эти воззрения эпохи очень хорошо отражены в «Записках кавалерист-девицы» Н. Дуровой, произведении, написанном женщиной, в котором очень сильна женская гендерная составляющая текста. На вопрос своего непосредственного начальника по Коннопольскому полку ротмистра Казимирского, каким она находит военное ремесло, мемуаристка признается, что считает «звание воина благороднейшим из всех и единственным, в котором нельзя предполагать никаких пороков, потому что неустранимость есть первое и необходимое качество воина; с неустранимостью неразлучно величие души, и при соединении этих двух великих достоинств нет места порокам или низким страстям» (Дурова 1983: 56).

Ю.М. Лотман справедливо полагал, что подобное отношение к жизни «создает людей, уже заранее подготовленных не для карьеры, не для службы, а для подвигов. Людей, которые знают, что самое худшее в жизни – это потерять честь» Лотман 1994: 63).

Культурно-философской основой для подобного типа мышления может быть признан феномен мифориторической культуры, о котором впервые заговорил А.В. Михайлов. Достигнув своей кульминации на рубеже XVIII–XIX вв., мифориторика представляла собой тип культуры, который «основывается на готовом слове и используется только им» (Михайлов 1988: 310). При этом в качестве подобного «готового слова» может выступать «и целая речь, целое высказывание, и сюжет, и жанр как форма, в которую отливается мысль, и самое мелкое единство смысла (пусть, например, имя собственное), если только это происходит из фонда традиции и заранее дано поэту и писателю, если только это заведомо для него «готово» (Михайлов 1988: 311).

Именно такой «миф» риторической культуры обуславливал античное и одновременно «театральное» поведение людей наполеоновской эпохи, которое уже отказывался понимать и над которым смеялся Л.Н. Толстой. Для Толстого «готовое» слово риторической культуры является синонимом лжи, притворства, напыщенности, неискренности, «книжности». Между тем для военного сословия людей наполеоновской эпохи подобное «готовое» слово зачастую было единственно возможным. Именно оно обеспечивало правильный механизм поведения личности в любых обстоятельствах. Достаточно вспомнить цитату о «годах Цезаря» из корнелевского «Сиды», сказанную Сухтеленом Наполеону на Аустерлицком поле, о чем писал Ю.М. Лотман (Лотман 1994: 199). По этому же принципу «работают» античные ономоифы эпохи, когда человек мыслит себя Горацием Коклесом, Брутом, Фемистоклом, сразу же актуализируя те культурные смыслы, которые стоят за этими словами.

Одно из первых художественных воплощений человека мифориторической культуры Россия уви-

дела в трагедии Я. Княжнина «Рослав», где главный герой, «храбрый росс», представляет собой идеальный характер русского человека, созданный по мифориторическому канону поведения «античного россиянина». При подобном подходе к жизни «героическое провозглашалось нормой человеческого поведения, единственно достойным человека состоянием, в быт и обыденную жизнь переносились нормы, слова, интонации и жесты, заимствованные из Плутарха и Тацита. Быть человеком — означало быть “римлянином”. Не только в Париже, но и в Петербурге и Москве жажда героизма порождала «римскую помпу» (Лотман 1998: 242).

В то время когда Екатерина II в 1783 г. в журнале «Собеседник любителей российского слова», отвечая на «Несколько вопросов...» Д. Фонвизина, полагала национальный характер россиян «в образцовом послушании», Я. Княжнин создал трагедию, главный герой которой ради чести России отказывается исполнить волю своего князя, фактически волю монарха. Это был принципиально новый момент, так как в течение почти всего XVIII столетия власть и воля монарха абсолютно отождествлялись со славой России. Теперь же главный герой заявляет:

Россия! Ты должна торжествовать мною;
Тут власть молчит, и я из власти исключен,
Лишь добродетели единой посвящен...
Не может повелеть мне князь мой подлым бытию
(Княжнин 1991: 49).

Новое мироощущение эпохи находило свое яркое отражение в мемуарно-автобиографической литературе эпохи.

Важным моментом проявления культа героизма и культа чести в военной мемуарной прозе первой половины XIX века является безусловное преклонение перед мужеством и доблестью неприятеля. Эта черта мемуарной литературы представляет собой отражение важной психологической особенности сознания людей наполеоновской эпохи — мысли о том, что храбрость и мужество как основа характера «детей Марса» являются общим достоянием человечества, а не представляют собой исключительную монополию той или другой противоборствующей стороны, отделенной от другой классовыми, идеологическими или национальными барьерами. Такой подход во многом объясняется опять же спецификой воспитания поколения, воспитания преимущественно военного, ориентированного на героические образцы античности, воспринимаемой в качестве интернационального культурного наследия.

Педагогический потенциал культурной мифологии Плутарха нашел свое отражение в книге «Рассуждения о национальном любочестии», автором которой был И.-Г. Циммерман, философ и писатель, состоявший в переписке с Екатериной II. Книга Циммермана была написана в 1758 году и переведена на русский язык Д. Фонвизиним. Национальное любочестие, воспитанное на примерах древних, оканчивается тесно связано у автора с любовью к отечеству, способствует воспитанию патриотизма. «Великие дела... любовь вселяют в сердце, пронзая нас

внутренним почтением к тем мужам, кои удовольствия умереть за родину познали... к таковым мужам надлежит возбуждать благоговение в целом народе... От сего у греков и римлян имели целые нации толь великий образ мыслей. Любовь к отечеству вплетена была в их религию, узаконение и нравы, слово *отечество* стало душою общества» (Фонвизин 1959: 297).

Во французских мемуарах много и подробно говорится о доблести русских, проявленной ими под Смоленском, Бородино и Малоярославцем. Так, граф Ф. Сегюр, бывший в 1812 году адъютантом Наполеона, восхищается героическим отступлением Д. Неверовского под Смоленском, говоря, что Неверовский отступал, как лев (Сегюр 2002: 57). В битве под Бородино Ц. Ложье восторгается героической смертью генерала А. Кутайсова, погибшего в тот момент, когда «смело вел в огонь своих кавалеристов» (Ложье 2005: 89) Е. Лабом в «Реляции» свидетельствует о мужестве защитников редута Раевского, захваченного при атаке кирасиров О. Коленкура, которые предпочли погибнуть, чем сдаться, и выражает уважение доблести их командира, генерала П. Лихачева, который «хотел сдержать данное слово и умереть на своем посту: оставшись один, он бросился нам навстречу, чтобы погибнуть» (Лабом 1912: 143). Мемуаристы М. Комб, Гриуа, О. Тирион, А. Боссе также отмечают исключительное упорство русских в отстаивании батареи Раевского. Например, Боссе пишет: «Цельми линиями русские полки лежали распростерты на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг» (Боссе 1912: 179). В битве при Малоярославце особенное уважение мемуаристов вызывает самоотверженность русских ополченцев, которые, по словам маршала Ж.Б. Бессьера, «едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть».

Что касается русских мемуаристов, то в них доблесть и мужество противника также представлено очень широко. Ф. Глинка в «Очерках Бородинского сражения» дает блистательную характеристику И. Мюрату и М. Нею, которого называет «львом, во гневе махающим гривой, человеком, питающимся огнем и порохом» (Глинка 1991: 338). Принц Е. Богарне в описании автора — «один из самых храбрых и, может быть, благороднейший из предводителей французских» (Глинка 1991: 390). В «Письмах русского офицера» Ф. Глинка приводит множество образцов доблести, проявленной французами при защите Парижа: храбрость учеников Политехнической школы, мужество 60-тилетнего старика-национального гвардейца, который сражался с русскими до последней капли крови, не желая сдаться и т.д. И. Лажечников в «Походных записках русского офицера» также восхищается доблестью учеников Политехнической школы, которые «дрались в сей день, как молодые разъяренные львёнки, у которых отнимают мать их. В первый раз явились они из классов на поле брани, ученики сражались с искусством ветеранов и умирали героями на пушках, забираемых победителями» (Лажечников 1836: 188). Д. Давыдов в «Военных записках» восторгается му-

жеством Старой гвардии, признается в «удивлении, подвигами Наполеона возбуждаемом и ...уважении, которое я питал к войскам его среди грозы военной» (Давыдов 1982: 153). В. Левенштерн в «Записках лифляндца» отмечает, что под Красным М. Ней сражался, как лев, и, повествуя об ужасах французского отступления, не может не признать, что «французы выказывали изумительную храбрость... они берегли патроны и стреляли только в упор» (Левенштерн 1900: 367). Наконец, Н. Дурова в «Записках» признается, что «французы – неприятель, достойный нас, благородный и мужественный» (Дурова 1983: 161).

В эпоху наполеоновских войн кодекс воинской чести функционировал практически в полной мере, и это находило отражение в литературной традиции эпохи. Так, А. де Виньи в книге «Неволя и величие солдата», прославляя кодекс военной чести, всецело господствующий в армии и определяющий поведение благородного война пишет: «...убеждение, которое...безраздельно господствует в рядах армии, зовется Честью <...> Честь – это мужское целомудрие. Позор погрешить против ней для нас нестерпим <...> Вот почему солдата почитают больше, чем кого бы то ни было, и многие должны смиренно опустить перед ним глаза» (Виньи 1968: 135).

Можно привести много подтверждений того, что война рассматривалась людьми наполеоновской эпохи как священное занятие, регулируемое законами чести. Так, в главе «Урок сорванцу» Д. Давыдов рассказывает, как, оказавшись в первый раз в деле, он, заметив в цепи неприятельских фланкеров офицера, пытался вызвать его на дуэль, осыпая отборными французскими ругательствами. Подбегавший к Давыдову казачий урядник с укоризной сказал ему: «Что вы ругаетесь, ваше благородие! Грех! Сражение – святое дело, ругаться в нём все то же, что в церкви: бог убьёт! Пропадете, да и мы с вами» (Давыдов 1982: 53). В этой главе Давыдов, пытаясь прокомментировать свое тогдашнее безрассудное поведение, пишет, что был увлечен «вдруг овладевшей мной злобой – бог знает за что – на человека мне неизвестного, который исполнял, подобно мне, долг чести и обязанности службы» (Давыдов 1982: 53). Мысль о том, что исполнение «долга чести и обязанностей службы» неприятелем есть священное действие, за которое его противник не имеет право его ненавидеть, находится всецело в традициях воинского кодекса чести, как его понимали в эпоху наполеоновских войн. Нарушение этого долга чести рассматривается мемуаристом как непростительное и преступное деяние. В этом плане очень примечателен эпизод из «Дневника партизанских действий», в котором Давыдов выступает спасителем французского барабанщика Венцана Босса. Когда впоследствии в Париже отец Босса обращается с просьбой дать его сыну «аттестат в добром его поведении, т.е. в том, что он поражал неприятеля, тем самым заглаживая свое невольное служение «хищнику престола» (Наполеону – Е.П.), то возмущению Давыдова нет предела. Сознание того, что Венцан Босс и его отец хотят, чтобы их рассматривали в качестве добровольных изменников Наполеону, нестерпимо

для чувства чести мемуариста, хотя он сам объективно сделал немало для крушения наполеоновской империи и свержения самого императора. Очень отчетливо кодекс чести офицера отражен в «Записках» Н. Дуровой, которая подробно передает на страницах своего произведения беседы по этому поводу с ротмистром Подъямпольским. В этих беседах неоднократно затрагивается тема о месте и роли храброго и знающего офицера в армии, особенно если этот офицер одарен «тем высоким чувством чести, которое заставляет встречать бестрепетно смерть и спокойно действовать в величайших опасностях» (Давыдов 1982: 164).

Само собой разумеется, что для добровольного и сознательного исполнения законов чести нужно было воспитать особый тип людей, который смотрел бы на военную службу как на единственное изначально благородное занятие, священное ремесло, формирующее в человеке рыцарские черты характера. Именно так на военную службу смотрела не одна Дурова, но абсолютное большинство её современников. Например, И. Лажечников в «Походных записках», говоря об идеале истинного воина, писал: «Воспитание есть лучшее украшение воина. Звание его, давая ему особенные преимущества, не присваивает ему право быть грубым, необходимым и жестоким, напротив того, добродушие, любезность и чувствительность должны быть вплетены в венки его вместе с мужеством, твердостью духа и пренебрежением всех опасностей. Грозный, как лев, среди волнений шумящей битвы, кроткий, любезный и сострадательный в мирной хижине – вот отличительные черты истинного воина!» (Лажечников 1836: 57-58).

Законы чести диктовали рыцарское отношение к пленному неприятелю, проявившему образцы мужества и храбрости, т.е. выступившему в роли идеального воина. В соответствии с этой традицией Наполеон освобождает из плена ефрейтора лейб-гвардии Финляндского полка Леонтия Куренного, поразившего французов своей доблестью в сражении под Лейпцигом. Более того, он повелевает объявить в приказе по армии о подвиге этого русского героя, ставя его в пример своим солдатам. В сражении под Аустерлицем беззаветную храбрость проявил Кавалергардский полк, в особенности 4 эскадрон, не позволивший французской кавалерии разгромить русскую гвардейскую пехоту. Командир эскадрона граф Н. Репнин, раненный в грудь и контуженный, попал в плен и был отпущен Наполеоном в знак уважения к его доблести. Он же в знак уважения к доблести русских генералом П. Тучкова и П. Лихачева, попавшим в плен в кампанию 1812 года, возвратил им шпаги, точно так же, как впоследствии австрийскому генералу М. Мервельдту при Лейпциге и генералу К. Полторацкому при Шампобере. Подобную же любезность неоднократно практиковал А. Суворов по отношению к французским республиканским генералам, взятым в плен во время его Итальянской кампании. Законы чести диктовали также чувство особого братства «детей Марса» независимо от сиюминутных политических настроений. Это могло приводить к установлению

частных дружеских отношений между людьми, принадлежащими к различным военным лагерям и бывшими врагами на поле боя (но только там!). Например, очень многие мемуаристы – В. Левенштерн, А. Булгаков, А. Муравьев, А. Маевский, А. Ермолов – писали об особых отношениях, сложившихся между генералом М. Милорадовичем и маршалом И. Мюратом, которые во время «тарутинского перемирия» неоднократно встречались друг с другом на аванпостах армии, обмениваясь взаимными любезностями. Такие же отношения существовали между М. Милорадовичем и О. Себастиани, командиром кавалерийской дивизии в корпусе Л.П. Монбрена. Так, Ф. Акинфов в своих записках вспоминает, как при отступлении русской армии от Москвы М. Милорадович «поехал к неприятельским аванпостам, спросил генерала Себастиани и, обрадовавшись друг другу, предложил ему не проливать крови в день их свидания» (Акинфов 1988: 185). Вообще маршал Мюрат пользовался необычайной популярностью у казаков. Об этом единодушно пишут все французские мемуаристы, бывшие свидетелями вступления авангарда наполеоновской армии в Москву: А. Дедем, М. Комб, Л.Ф. Боссе. Так, Л.Ф. Боссе свидетельствует: «Пока шли эти переговоры (о заключении перемирия – *Е.П.*) казаки, постоянно видевшие Неаполитанского короля, одетого всегда очень эффектно, подошли к нему с чувством уважения, смешанного с восторгом и радостью... Король отдал им все свои деньги, бывшие при нём, даже часы, а когда у него больше ничего не оставалось, он занял часы у полковника Гурго, у своих адъютантов и офицеров. Казаки выражали свой восторг и громко говорили, что великодушные этого героя французской армии равно его храбрости» (Боссе 1912: 207).

Ещё в большей степени идея братства людей независимо от того, к какому военно-политическому лагерю они принадлежат, проявляется на примере взаимоотношений пленников и их победителей. Например, Ф. Сегюр повествует в своих записках о том, что после взятия французами Москвы русские пленные долгое время вообще не содержались под стражей и жили вместе с французами в самых дружеских отношениях (140). И. Лажечников в «Походных записках» свидетельствует, что сразу же после известия о взятии Парижа, «победители (т.е. русские – *Е.П.*) в упоении своей радости, не видя более в побежденных пленников своих, ищут разделить с ними настоящее торжество разными исканиями и уверением в скорой их свободе» (Лажечников 1836: 44-45). Подобное братство людей зарождается между Д. Давыдовым и его пленников, поручиком гусарского полка Тилингом, которому Давыдов возвращает не только кольцо любимой им женщины, о чём тот просил, но и портрет, волосы и письма, ему принадлежащие. Давыдов пишет: «Чувства узника моего отозвались в душе моей. Легко можете вообразить взрыв моей радости при встрече с человеком, у одного алтаря служившим одному божеству со мной» (Давыдов 1982: 182). Такой же эпизод мы встречаем в «Записках» С. Волконского, где тот рассказывает о том, как казаками его парти-

занского отряда был взят в плен генерал Корсен вместе со своими адъютантами, которых мемуарист «старается обращением моим утешить... в случившейся с ним беде» и заставляет казаков вернуть генералу книжничек с портретом его жены (Волконский 1991: 228-229).

Тот факт, что пленник-офицер в определенном смысле считался «собственностью» и «гостем» своего победителя (в соответствии с традицией, идущей от рыцарских времен), не мог не способствовать также зарождению частных дружеских отношений. При этом следует иметь в виду, что в отличие от настоящего времени, пленник той эпохи не находился целиком и полностью на государственном обеспечении пленившей его страны. Так же как в эпоху рыцарей, он должен был в идеале находить «покровителей» из числа офицеров неприятельской армии или просто граждан неприятельской страны, которые взяли бы на себя труд заботиться о его насущных нуждах. Очень интересные сведения на этот счет можно получить в «Военных записках» Д. Давыдова. Так, воспоминания пленение своего брата, кавалергардского офицера Евдокима Давыдова, под Аустерлицем, он рассказывает о благородном поведении по отношению к нему поручика французского конногренадерского полка Серюга, который окружил его поистине братской заботой: поделился последним куском хлеба, отдал ему свою лошадь, нашел повозку, чтобы отвезти раненого и постоянно впадающего в забытие Евдокима в Брюн, помог устроить его в военный госпиталь и обязал в случае необходимости обращаться к своему дяде, министру иностранных дел Х.Б. Мааре. Это благородство Серюга с необходимостью вызывает ответное благородство со стороны Д. Давыдова, плату долга чести. Когда смертельно раненый в сражении под Прейсиш-Эйлау Серюг в свою очередь попадает в плен к русским, Д. Давыдов принимает самое горячее участие в его судьбе, сумев скрасить братской заботой последние дни его жизни. В «Дневнике партизанских действий» приводится эпизод, когда крестьяне окрестных сел приводят к нему шесть французских бродяг, среди которых оказывается барабанщик молодой гвардии Венциан Босс, «пятнадцатилетний юноша, оторванный от объятий родительских и, как ранний цвет, перевезенный за три тысячи верст под русское лезвие и на русские морозы» (Давыдов 1982: 193). Не желая «предать несчастного случайностям голодного, холодного и бесприютного странствия, имея средства к его спасению», Д. Давыдов решил оставить Босса в отряде и, таким образом, «сквозь успехи и неудачи... довел его до Парижа... и... передал его из рук в руки престарелому отцу его» (Давыдов 1982: 193).

Личная, честная благотворительность в обход официальных государственных каналов была традицией начала XIX века и вызывала со стороны благодетельствованных ответное чувство – желание уплатить свой долг чести своим благодетелям. Примечательный эпизод, объясняющий действие механизма этого неписаного закона чести, приводит в своих «походных записках» И. Лажечников. После того как добродетельный и сострадательный ро-

славянский купец приютил у себя французских пленников, происходит следующая сцена: «Стараниями его оживленные узники, осыпая его тысячами благословений, благославляли с ним вместе имя русское. Если хотя один из нас возвратится в свое семейство, – говорили они, расставаясь с ним со слезами, – то заклинем детей и весь род наш почитать за родного всякого русского, которого жребий войны пошлет на поля наши: заклинем их облегчить для него узы плена всеми жизненными выгодами и усладить для него разлуку с отечеством утешениями дружбы и братства» (Лажечников 1836: 45), то есть они обещают отдать русским (в память о благодеянии купца) долг чести и гостеприимства.

Подобных примеров можно привести очень много, и военная мемуарно-автобиографическая литература первой половины XIX века дает нам возможность погрузиться в атмосферу этих человеколюбивых благодеяний.

Когда в сражении под Валутиной горой в плен к французам попал раненый генерал П. Тучков, то он стал личным гостем начальника французского штаба маршала А. Бертье, который окружил его дружеской заботой: пригласил к нему Ж.Д. Ларрея, главного хирурга французской армии, нашел женщину, которая могла бы выстирать генералу запачканный кровью мундир, дал ему белье из своего гардероба, ссудил на первое время достаточно большой суммой денег. Кроме того, мемуарист отмечает в «Моих воспоминаниях о 1812 годе», что «с самого почти утра до вечера беспрестанно посещали меня разные чиновники, бывшие при главном штабе армии, предлагая всевозможные услуги свои и коих учтивое и хорошее обращение со мной заставило меня иметь к ним всякое уважение» (Тучков 1988: 236). Естественно, что все услуги предлагались от себя лично, а не от имени государства. Д. Давыдов рассказывает в «Военных записках» о дружеских отношениях, которые сложились между начальником штаба Первой Западной армии А. Ермоловым и французским артиллерийским полковником Марионом, который долгое время пользовался гостеприимством Ермолова, живя в его доме в Орле. Марион был взят в плен адъютантом Ермолова П. Граббе, т.е. в определенном смысле мог почитаться личным пленником будущего «покорителем Кавказа». Далее мемуарист отмечает, что гостеприимством адмирала П. Чичагова долго пользовался военный писатель генерал Водонкур, начальник артиллерии корпуса Е. Богарне, написавший адмиралу похвальное слово (Давыдов 1982: 226). А. Ермолов приютил у себя, по его признанию в «Записках», престарелого полковника Николая, угощавшего императора Александра в своем полку во время заключения Тильзитского мира (Ермолов 1991: 191). Когда в сражении под Бородино в плен к русским попал французский генерал Ш.А. Бонами, то при его отправке в Орел Ермолов написал своему отцу, чтобы тот помогал ему в случае необходимости. Бонами, по свидетельству К. Каверина, живя в Орле, был тесно связан с литературным кружком А. Плещеева, в котором, кроме него, принимали участие многие из образованных французских пленников. Когда в конце 1812 года

пришел приказ об отправлении всех пленных в Казань, то В. Жуковский, бывший в то время активным участником этого кружка, через А. Тургенева добился для Бонами разрешения остаться в Орле. Муж А. Елагиной, В. Киреевский, в 1812 году, по словам того же Каверина, «будучи честным человеком, самопроизвольно, без всякого полномочия или приглашения от властей, принял в свое заведование госпиталь в Орле», так как «беспомощное состояние раненых пленников французских, неурядица и злоупотребления в госпиталях возмущали его» (Каверин 1989: 137). Впоследствии В. Киреевский скончался от госпитальной горячки, успев истратить на содержание пленников практически все наличные деньги семьи (около 40 тыс.). А. Норов, тяжело раненный в Бородинском сражении и оставленный в Москве вместе со многими другими русскими офицерами, рассказывает в своих воспоминаниях, с какой заботой относился к нему генерал А. Лористон, бывший в 1811 году послом Франции в России и знакомый Норову по петербургским светским кругам: «Он оказал мне самое теплое участие, заявив, чтобы я относился к нему во всем, что будет мне нужно, и обещал присылать наведываться обо мне, а в тот же день прислал мне миску с бульоном» (Норов 1988: 369). Декабрист М. Фонвизин, по воспоминаниям М. Францевой, в кампанию 1814 года был взят в плен вместе со своим дивизионным командиром З. Олсуфьевым и всем русским отрядом во время ночной атаки маршала Н.Ш. Удино. Удино снабдил Фонвизина рекомендательным письмом к своим друзьям в Париже, где будущий декабрист был ласково принят и жил на свободе (Францева 1988: 166). Так же на свободе и не испытывая ни в чем недостатка, жил во Франции второй брат Д. Давыдова, Лев, который послужил, по свидетельству А.С. Пушкина, прототипом лирического героя элегии К. Батюшкова «Пленный». Наконец, Н. Дурова в «Записках кавалерист-девицы» пишет, что осенью 1812 года в доме её отца жили пять французских офицеров, с которыми мемуаристка находилась в самых дружеских отношениях (Дурова 1983: 193).

В свете вышесказанного становятся понятными и вполне объяснимыми многие сцены и сюжетные линии из повестей и романов, написанных в 30–40-е годы XIX века и посвященных событиям наполеоновских войн. Подобные сцены большинство современных исследователей объясняют либо общей эстетикой романизма, либо индивидуальной широтой взглядов и гуманизмом авторов этих произведений. Между тем, в этих сценах, как в зеркале, отразился культурно-исторический менталитет времени, вызвавшего их к жизни. И первое, что бросается в глаза при чтении этих романов, это необходимое присутствие в них эпизодов, в которых реализуется философия гуманизма и братских отношений между представителями различных военных лагерей, в данном случае, между русскими и французами. Однако эта философия определяется не абстрактно пацифистскими убеждениями авторов этих произведений (как это будет в эпоху Первой мировой войны), но желанием писателей представить в своих произведениях идеальную схему реализации законов чести.

Например, в повести А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке» один из героев кирасирский поручик князь Ольский, удрученный отсутствием провианта в русском лагере, едет отобедать к французам, по рыцарскому обычаю, твердо уверенный, что те не заставят его заплатить за «шутку вольностью». Французы пируют с ним до вечера, а на прощанье нагружают его чемоданы съестными припасами. Неизвестно, был ли такой случай в действительности, но доподлинно известно, что накануне Бородинского сражения князь Ф. Гагарин, адъютант П. Багратиона, ездил к Наполеону на пари, чтобы отвезти ему несколько фунтов чаю, и благополучно возвратился в русский лагерь.

Законы чести регулируют отношения между Сеникуром и Зарецким, с одной стороны, и Рославлевым и Шамбюром, с другой, в романе М. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году». Сеникур, спасенный Зарецким от смерти в бою, платит ему долг чести, помогая благополучно выбраться из занятой французами Москвы. При этом Зарецкий, опять же в соответствии с законами войны, запрещавшими в идеале бесчестные способы её ведения, например, шпионаж, уверяет Сеникура честью, что он, проникнув в Москву в мундире французского офицера, не имел на это никакого позволения со стороны начальства и действует как частное лицо, желая спасти своего друга Рославлева. Шамбюр, захватив в плен Рославлева при осаде Данцига, обращается с ним как с другом, покровительствует ему и защищает его в соответствии с законами чести, по которым оскорбление пленного, которого ты пленил, равносильно личному оскорблению тебя самого. В романе Н. Греча «Черная женщина» французский полковник Удэ, взяв в плен поручика графа Кемского, окружает его трогательной заботой, и авторитет его имени является для Кемского надежной защитой во всех ситуациях. В романе Р. Зотова «Леонид, или несколько дней из жизни Наполеона» один из героев, Евгений Силин, победив в бою польского офицера графа Станислава Заборовского, предлагает ему свободу. Впоследствии он находит в своем бывшем противнике верного и преданного друга, который, в свою очередь, возвращает ему свободу, готов защищать его с оружием в руках и, в конце концов, помогает ему получить руку своей сестры Юзефы. В романе Н. Коншина «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году» «добрым ангелом» раненого и пленного полковника Богуслова оказывается ветеран наполеоновских войн барон Беценваль, который способствует соединению Богуслава с любимой девушкой Софьей Милославской. Дружеские отношения завязываются в повести Н. Бестужева «Русские в Париже в 1812 году» между полковником Дюбуа, адъютантом Нея, и русским поручиком князем Глинским.

В целом, можно сказать, что в подобных частных взаимоотношениях людей, в обход и вопреки состоянию общественно-политической и военной вражды, нашла свое воплощение идея всеобщего братства людей – естественное следствие гуманистического духа эпохи. Человек того времени, как правило, ненавидел своих противников, равно воен-

ных или политических, только как абстрактную враждебную силу, угрожающую независимости отечества или его собственным политическим и гражданским свободам, не перенося своей ненависти на конкретных частных лиц. Всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться лицом к лицу с конкретными представителями этой враждебной силы, то место общего, и опять-таки достаточно абстрактного, состояния ненависти и вражды сразу же занимала идея естественного человеческого братства, возникало желание строить свои отношения с себе подобными по закону сердца и чувства, на основе принципов гуманизма и взаимопонимания. Только имея в виду существование подобных амбивалентных отношений к действительности, становится понятно, почему фанатичный враг Наполеона и французов 1812 года граф Ф. Ростопчин, тем не менее, вплоть до вступления неприятеля в Москву, садился дома обедать вместе с пленным французским генералом Сен-Женье, а не менее страстный противник французов и личный враг Наполеона генерал Ф. Винценгероде, командующий в 1812 году армейским партизанским отрядом, по свидетельству драматурга А. Шаховского, неизменно приглашал за стол вместе с партизанскими офицерами и офицерами ополчения плененных казаками французских офицеров. (Шаховский 1886: 378). Только в атмосфере подобного сознания мог возникнуть и воплотиться на практике гуманистический пафос «Капитанской дочки» А.С. Пушкина, во многом определивший этический модус русской словесности XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Акинфов Ф.В.* Разговор с Мюратом // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. – М.: Современник, 1988. С. 180-186.
- Боссе Л.Ф.* Мемуары // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: В 2 т. Т. 2. – М., 1912.
- Булгарин Ф.Ф.* Записки. – М.: Захаров, 2001. – 782 с.
- Виньи де А.* Неволя и величие солдата. – М.: Наука, 1968. – 187 с.
- Волконский С.Г.* Записки. – Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1991. – 512 с.
- Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
- Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения // Письма русского офицера. Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. – Киев: Дніпро, 1991. – С. 311-405.
- Давыдов Д.В.* Военные записки. – М.: Военное издательство, 1982. – 464 с.
- Дурова Н.А.* Кавалерист-девица. Происшествие в России // Избранные сочинения Н. Дуровой. – М.: Московский рабочий. – 1983. – С. 25-260.
- Ермолов А.П.* Записки. – М.: Военная школа, 1991. – 463 с.
- Каверин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. – М.: МГУ, 1989. – С. 135-148.
- Княжнин Я.П.* Избранное. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – 384 с.
- Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. – М.: Госполитиздат, 1943. – 380 с.

Лабом Э. Полная реляция похода в Россию в 1812 году // Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: В 2 т. Т. 2. – М., 1912.

Лажечников И.И. Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814, 1815 годов. – М., 1836. – 286 с.

Левенитерн В.И. Записки лифлянца // Русская старина. – 1900. – №№ 1-8, 11, 12; Русская старина. – 1902. – № 7.

Леонтьев К.Н. Наши новые христиане // Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. – М.: Изд-во В.Н. Саблина, 1885. – 358 с.

Ложье Ц. Дневник офицера Великой Армии в 1812 году: - М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2005. – 226 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 399 с.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. – М.: Молодая гвардия, 1998. – 382 с.

Михайлов А.В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры. – М., 1988. С. 308-324.

Норов А.С. Воспоминания // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года её уча-

стников и очевидцев. – М.: Современник, 1988. С. 336-378.

О' Мира Б. Голос с острова Святой Елены. – М.: Захаров, 2004 – 672 с.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. – М.: АН СССР, 1963. – 374 с.

Сегюр Ф. де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. – М.: Захаров, 2002.

Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 году // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. – М.: Современник, 1988. С. 309-326.

Фонвизин Д.И. Рассуждения о национальном любопытии // Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. – М.: Л, 1959. С. 290-312.

Францева М.Д. Из воспоминаний М.Д. Францевой о М.А. Фонвизине // Декабристы в воспоминаниях современников. – М.: МГУ, 1988. С. 166-167.

Хейзинга И. Homo ludens. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. – 464 с.

Шаховской А.А. 1812 год. Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. – 1886. – Кн. 3. – № 11.– С. 372-402.

Данные об авторе:

Елена Евгеньевна Приказчикова – доктор филологических наук, профессор кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета.

Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

E-mail: miegata-logos@yandex.ru

About the author:

Yelena Yevguenyevna Prikazchikova is a Doctor of Philology, professor of Folklore and Ancient Literature Department of the Ural Federal University (Yekaterinburg).